

УДК 398(470.621)

ББК 82.3(2=Ады)

II 22

Паштова М.М.

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, e-mail: gupsa@mail.ru

К исследованию локальных явлений в мифологии черкесов Анатолии
(на материале экспедиций 2014 и 2015 гг.)
(Рецензирована)

Аннотация:

До настоящего времени система мифологических персонажей в фольклорной культуре черкесской диаспоры остается неизученной. Тем более актуальными являются вопросы освещения локальных особенностей функционирования текстов этого цикла. Полевые исследования 2014 и 2015 гг., проведенные автором, являются первой попыткой выявления номенклатурного состава системы персонажей «низшей» мифологии черкесов Анатолии и локальных особенностей бытования текстов. Целью исследования является сравнение текстов диаспоры и материалов «метрополии» на предмет установления как универсальных, так и местных, характерных только для исследуемой локальной традиции мифологических явлений (функций, имен, визуальных характеристик, локусов мифологических персонажей). Собранные материалы исследуются методами сопоставления, структурно-функционального, дискурсивного анализа. К мифологическому материалу, собранному в черкесском диаспорном «поле», подобные методологические принципы применены впервые. Установлено, что основными факторами формирования эндемичных мифологических явлений можно отметить ландшафтный (изменение привычной среды обитания), социальный (специфика отношений в замкнутой общине) и исторический (факты истории Османской империи). Исследование актуально в свете проблем описания локальных культурных традиций. Эмпирический материал и аналитические выводы исследования будут полезны для теоретических разработок по картографированию фольклорно-мифологических явлений, а также по социальной истории и культуре диаспорных сообществ.

Ключевые слова:

Мифология, фольклор, вернакулярная культура, черкесы, диаспора, универсальное и локальное.

Pashtova M.M.

Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Ethnology and Folk Art, the Adyghe Republican Research Institute of the Humanities named after T.M. Kerashev, e-mail: gupsa@mail.ru

Researches of the local phenomena in the mythology of Anatolia Circassians
(based on materials of 2014 and 2015 expeditions)

Abstract:

The system of mythological characters of the Circassian diaspora folk culture remains unstudied till now. The field researches of 2014 and 2015 are the first attempt to draw out the nomenclative constitution of the system of the so called lower mythology characters of Anatolia Circassians and the local peculiarities of the texts' existence. The author of the paper notes the factors of conformation of these peculiarities – the landscape, social, historical ones, etc. The comparison of the diaspora texts and the materials of the 'metropolis' (the Caucasus) reveals the steady subjects and motifs of Circassian mythological system and the pragmatic functions of the texts. It also updates the endemic local phenomena that have emerged over the period of residence outside the historical territory in the new social and cultural conditions.

Keywords:

Mythology, folklore, vernacular culture, Circassians, diaspora, universal and local.

Исследуемая нами локальная диаспорная традиция – анклав Узун-Яйла близ г. Кайсери (Турция). Здесь компактно располагается более 60 черкесских селений четырех субэтнических групп (кабардинцы, хатукайцы, абадзехи и кабардиноязычные абазины). По теме «актуальная демонология» в ходе двух экспедиций нами опрошено в общей сложности около 40 информантов – представителей названной локально-фольклорной традиции; возрастной диапазон – от 20 до 90 лет. Многие из них проживают в условиях города, временно, на летние месяцы, возвращаясь в село. Мы хотели бы обратить внимание на ряд локальных особенностей бытования мифологических текстов, зафиксированных нами в анклав Узун-Яйла, и попытаться выявить условия их формирования.

Для того чтобы сопоставлять (т.е. соотносить) явления, необходимо достаточно ясно представлять себе предмет соотнесения. С одной стороны, это определенный имеющийся на сегодняшний день научный опыт в виде публикации текстов и исследований. С другой – не описанные в литературе, но объективно существующие локально-культурные факты. Однако явления, которые мы маркируем в диаспоре как местные, могут быть сохранены здесь «общеэтническими» (инвариантными) реликтами, но не эндемичными инновационными образованиями.

Как позволяют думать результаты последних фольклористических исследований [1: 62–273], именно масштаб локальной традиции позволяет «выявить взаимосвязь социального и мифологического с наибольшей полнотой» [2: 6]. Выбирая в качестве объекта исследования тексты отдельно взятой локальной традиции в черкесской диаспоре, мы сопоставляем их с известными из полевых материалов, но системно не описанными регионально-локальными явлениями на Кавказе. Необходимо при этом отметить, что терминологические названия – имена мифологических персонажей и их функции, а также основные предметные атрибуты практически во всех этнических группах черкесов (локальные традиции Большой и Малой Кабарды, Моздока, Зеленчука, Адыгеи (Кубани), Причерноморской Шапсугии) достаточно устойчивы и идентичны. Это позволяет нам, разумеется, с известной долей условности, используя имеющийся на сегодня материал, прибегнуть к сопоставлению узун-яйлинских явлений и инвариантных («общечеркесских»).

Так же, как и в текстах, зафиксированных на Кавказе во второй половине XX в. [3; 4; 5], в записанных нами рассказах узун-яйлинского цикла можно выделить характерные жанровые признаки, структуру нарратива и контекста. На их основе постараемся дать представление о характере бытования персонажей «низшей» мифоло-

гии в диаспорном фольклорном поле.

Будучи неосведомленными в местной терминологии, задавая вопросы, мы поначалу употребляли инвариантные названия мифологических существ, бытующие на исторической территории. «Узнавание» персонажа происходило интуитивно, после уточнения его функций и локуса – безошибочно. Что, собственно, подтверждает тезис о необходимости картографирования персонажей прежде всего по их функциям [6: 376–388]. Фактор временного проживания в сельской местности имеет значение для такого параметра как условия бытования текстов. Насколько позволяет судить наш полевой опыт, временное возвращение в родные места в пору активных полевых работ от апреля до ноября, прерванность годового календарного цикла не создает прежних традиционно-сельских коммуникационных условий, в которых происходило бы естественное воспроизведение искомым нарративов. Но, например, сам процесс экспедиционной записи часто превращается в подобие традиционных ночных посиделок *уэришэр*, когда из памяти рассказчиков динамично извлекались имена, топонимы, истории встреч с демонологическими персонажами, «объяснение» сути запретов и предписаний, связанных с нечистой силой, и пр.

Мемораты о мифологических персонажах отнесены преимущественно ко временам постоянного проживания в сельской общине, т.е. периоду до 1970-х – 1980-х гг. С этим во многом связана ностальгическая интонация повествования. Наши рассказчики выражено не акцентируют внимание на том, что традиционные (доисламские) мифологические представления привезены с Кавказа, как это происходит, например, с циклами героических песен и преданий. Интонация повествования и стиль рассказов о встречах человека с мифологическим существом ориентированы на достоверность и осознаются скорее не как особый, очерченный жанро-

вый вид рассказов или преданий (*хъыбар*), а как фрагменты былой повседневности.

Основным очевидным фактором, обуславливающим местные особенности мифологической системы, является изменение ландшафта. Отсутствие больших лесов и глубоких рек в новых местах проживания в диаспоре «сужает» или «смещает» локусы мифологических персонажей. Более высока частотность упоминания *камня* или *родника* как места обитания мифологического персонажа или встречи с ним. Локусы обитания демонических существ конкретизированы рядом общеизвестных местных топонимов: «*Белой горой что мы называем – это большой спуск по дороге в Кайнар. Говорят [часто]: “я там встречал лису”*». «*В ущелье близ Асланхабле поднимаются лисы, идут навстречу и житья не дают, говорили...*».

Примечательно, что по одному из рассказов приходу черкесов (т.е. «человека») предшествовало обитание в этих местах демонических существ: «До того как мы поселились тут, в речке Кайнар жили колбастэ».

Мифологические персонажи визуализируются не только в привычных для черкесской мифологии образах, но и в обликах распространенных в местной фауне животных. Это можно считать эндемичным локально-фольклорным образованием, выражено не диссонирующим с автохтонной традицией. Чаще всего в этой роли выступают *лиса* и *орел*: *Удыр къэбыбыти, къартал фэдэу <...> къахаоцтыгъэ*. – Уд прилетал(а) и как орел <...> напал(а) [на них].

Для меморатов и рассказов о встречах с лисами-джиннами характерны следующие мотивы: лисы подсаживаются на арбу, лисы мешают движению колеса, лисы не могут переправляться через реку / ручей (соответственно, путник должен как можно скорее добраться до воды, чтобы избавиться от джинна). Мотивы помехи движению арбы и боязни воды являются уни-

версалиями, характерными для инвариантных текстов о ведьмах (удах) и джиннах.

Индюк (*тхьэчэт, гуэгуи*) – также один из эндемичных визуальных зооморфных образов, в котором иногда предстает известный и в «метрополии» ночной демон жештео. Является ли это влиянием какой-либо из окружающих этнокультурных традиций, установить пока не удалось. Наиболее распространенные варианты визуального образа жештео – старик с бородой или «что-то темное, черное». Нехарактерные для инварианта случаи «наложения» функций ночного демона и джинна (или шайтана) нужно считать местной особенностью и признаком разрушения сложившейся иерархии персонажей и их функций.

К особенностям визуализации образов нужно причислить также то, что местная локальная традиция «старит» женские мифологические образы. Это проявляется и в вербальном описании возрастного статуса, и в именах. Некогда величественное, с выраженными женскими чертами, божество рек Псыхо-Гуаша («Речная Княгиня»), привлекающее путников-мужчин своей красотой, предстает в диаспорном варианте в облике страшной старухи с большим семейством, с новым именем *Псыхуэ-Нанэ*, в буквальном переводе – «Речная Бабушка». Рудиментом Псыхо-Гуаши можно считать упоминание о том, что «дочь Псыхо-Наны такой красоты, что у смотрящего на нее выпучиваются глаза, но встретить ее почти невозможно».

В узун-яйлинских вариантах имен покровительницы рек (*Псыхо-Нана, Архуана-Нана*) и покровительницы полей (*Губго-Нана, Тала-Нана*) также присутствует этот маркер возраста (*нана* – старуха):

Еще наша бабушка рассказывала следующее. В какой-то день в поле еду понесла, говорит, солнце сильно палящее было и я задерживалась, говорит. Дедушка и другие косили сено. Когда я пришла, они работали, говорит. “Вы не проголо-

дались?” спрашиваю, “мы <уже> поели, какая еда!” говорят. Пришла одна нана и покормила нас, говорят. И эту нану называли Тала-Наной.

Исторический контекст бытования рассказов о мифологических существах обуславливает трансформацию их функций, локусов, мотивов. Так, персонаж нартской мифологии *хашхавытле* привязывается к конкретным фактам истории Османской империи. В меморатах о Первой мировой войне и поражении в битве при Карсе он выступает как персонифицированный образ врага и приобретает новую локализацию: солдат попадает в плен к хашхавытле, «которые обитают в Сибири», там его откармливают, чтобы затем съесть. Герою удается бежать. Благодаря тому, что хашхавытле не могут передвигаться по замерзшему морю, пленник отрывается от преследующих его чудовищ, пересекает море и возвращается в Узун-Яйлу (цикл рассказов «Сафербелык»).

Особенностями местной флоры (климат Узун-Яйлы позволяет выращивать только определенные виды злаковых культур), а точнее сказать, утратой кукурузы и пшеницы, традиционно используемых на Кавказе в качестве сырья для изготовления ритуального напитка, объясняется замена еще одного предметного символа в мифологических рассказах. По инвариантному тексту, отыскавшая свой гребень алмасты, покидая дом своего хозяина, на которого ей пришлось батрачить долгое время, бросает ребенка в кипящее сусло (*курыбэ къэкьуальэм*). В диаспорном тексте это, как правило, варящаяся пшеничная крупа – булгур (*пылгьур ягъавэм*).

Таким образом, основными факторами формирования новых эндемичных мифологических явлений в черкесской диаспоре необходимо назвать ландшафтный, социальный и исторический. В целом мифологические рассказы-воспоминания о демонических существах чаще ассоциируются с детским опытом преодоления страха. В осмыслении страха как управ-

ляемого состояния заключается основная функция исследуемых текстов – аксиологическая. В воинских культурах, к которым можно отнести и традиционную черкесскую, личностные качества и социальные институты, способствующие мобилизации духа, имеют особую ценность. Формируются они в том числе и через вербальную трансмиссию опыта преодоления страха в ситуациях рассказывания историй о демонических существах, а также через опосредованно связанные с их бытованием игры-испытания.

Умение осознать опасность, идентифицировать ее источник, знание стереотипных предписаний – всё это эксплицитно присутствует в рассказах о мифологических существах и является частью необходимых коммуникативно-когнитивных навыков. Эти универсальные культурные явления реализуются в специфических, ментально обусловленных локальных формах, преимущественно фольклорно-языковых.

Рассказы о демонических существах в черкесской диаспоре, больше и чаще чем их аналоги в кавказской культурной метрополии, вовлечены в идентификационный дискурс. В них озвучиваются этностереотипические представления об окружающих народах (турках,

афшарах), осознание различий в образе жизни и ценностях. Общепринятые этические и эстетические нормы передаются через фольклорно-культурные универсалии, характерные почти для всех локальных традиций черкесов. Так, злобность, безобразность традиционно связывается с *алмастын / кьолбастэ*, ум – с *уды* (ведьмой), а *хьэщхьэвыльэ / хьашхьэцуль* является олицетворением грубой неуправляемой физической силы.

Мифологические персонажи являются символическими репрезентациями «чужого», «иномирного», «неадыгского». С другой стороны, носители традиции рефлексивно осознают тот факт, что существа эти, а вернее сказать, представления о них, привезены с Родины, и, соответственно, соотнесены с той частью этнических знаний, которая ассоциирована со «своим», «адыгским». Подобную амбивалентность нужно, видимо, считать свойством фольклорного мышления и одним из инструментов адаптации на новой территории: необжитые земли изначально воспринимаются как места обитания мифологических существ, в то же время демонические локусы являются элементами структурирования нового пространства, частью местного адыгоязычного топонимикона.

Примечания:

1. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004. 312 с.
2. Христофорова О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 2010. 46 с.
3. Архив М.И. Мижаева. Материалы зеленчукской экспедиции 1992; Копия: Архив КЧИГИ. О-23. Ф. 4. Д. 47.
4. Мижаев М.И., Паштова М.М. Энциклопедия черкесской мифологии (на черк. яз.). Майкоп, 2012. 460 с.
5. Унарокова Р.Б. Заговоры в традиционной культуре адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2015. Вып. 4 (168). С. 142-147.
6. Левкиевская Е.Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и функции // Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов, Любляна, 2003. Доклады российской делегации / отв. ред. А.М. Молдован. М.: Индрик, 2003. С. 376-388.

References:

1. Adonyeva S.B. Pragmatics of folklore. SPb., 2004. 312 pp.
2. Khristoforova O.B. The discourse of witchcraft and local folk traditions: semantics, pragmatics and social functions: Diss. abstract for the Dr. of Philology degree. M., 2010. 46 pp.
3. The archive of M.I. Mizhaev. Materials of Zelenchuk expedition of 1992; A copy: KChIGI Archives. O-23. F. 4. D. 47.
4. Mizhaev M.I., Pashtova M.M. Encyclopedia of Circassian mythology (in Circassian lang.). Maikop, 2012. 460 pp.
5. Unarokova R.B. Incantations in traditional culture of the Adyghe // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2015. Iss. 4 (168). P. 142-147.
6. Levkievskaya E.E. The mythological character: the ratio of the name and function // Slavic linguistics. The XIII International Congress of Slavists, Lyublyana, 2003. Reports of the Russian delegation / ed. by A.M. Moldovan. M.: Indrikis, 2003, P. 376-388.